

## ИСТОРИЯ НАХИЧЕВАНИ



## 233 года со дня основания Нахичевани

14 ноября 1779 года Екатерина II подписала указ об основании армянского города Нор-Нахичеван и пяти сел: Чалтырь, Большие Салы, Малые Салы, Крым, Несветай. Трудно переоценить, какую большую роль сыграл этот указ в судьбе армян—переселенцев из Крыма, а также всего донского края. С одной стороны, донские армяне

получили большие льготы от императрицы. Например, армяне не брали в армию, с них не брали налоги, они были свободными гражданами в крепостной России. Наконец, Нахичевань была подарена огромной территории вокруг города, значительная часть левого берега Дона. С другой стороны, донской край получил мощный импульс для своего

экономического и культурного развития. До середины девятнадцатого века Нахичевань—на—Дону была одним из крупнейших городов юга России; армянские предприниматели занимались активной коммерческой деятельностью не только в России, но и во многих странах Европы и Востока. Есть интересные воспоминания известного общественного деятеля Нахичевани и Ростова Г.Х. Чалхушьяна. «Старожилы помнят,— пишет Чалхушьян,— в каком экономическом рабстве находился Ростов от соседнего города Нахичевани, помню, что здесь нельзя было найти самых необходимых, обыденных вещей, необходимых в жизненном быту. Многие утверждают, что если приходилось брать что—либо пудами или мешками, ездили в Нахичевань...» Известный художник М.С. Сарьян считал, что причиной упадка Нахи-

чевани стало нежелание отцов города превратить Нахичевань в железнодорожный узел, который бы соединил Россию с Кавказом. Нахичеванцы боялись конкурентов. Но это имело роковое последствие для города. Железная дорога прошла вдоль реки Темерник, мимо Ростова. Торговля, сосредоточенная раньше в Нахичевани, переместилась в Ростов, куда переехали все крупнейшие коммерческие фирмы, а Нахичевань стала терять постепенно свое ведущее положение.

Есть еще один фактор упадка Нахичевани. Это Андрей Матвеевич Байков — легендарный градоначальник Ростова. Он сделал очень многое для развития экономики города. Кстати, он еще тогда выступал за присоединение Нахичевани к Ростову. В те годы нахичеванцы всячески противились этому, пытались

отстоять свое экономическое превосходство.

На эту тему можно рассуждать долго. Но нельзя недооценивать того факта, что императрица Екатерина Великая, основав Нахичевань, стояла у истоков современного Ростова и способствовала экономическому развитию всего донского края. Поэтому памятник императрице должен непременно появиться в центре Нахичевани. Кстати, как и памятный знак в честь Нахичевани возле здания управления Северо—Кавказской железной дороги. Ведь именно там проходила когда—то граница между Ростовом и Нахичеванью. Этим самым мы отдадим дань нашей общей истории. Ведь мы должны не только знать свое прошлое, но и уважительно относиться к нему.

Георгий БАГДЫКОВ

## ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК БАТРАК ГЛАВЫ НАХИЧЕВАНА СТАЛ ЕГО ЗЯТЕМ

(Продолжение, начало в № 1—4, 5, 8)

Пошли и вдвоем сели за стол. Были поданы мясные пирожки и отдельно каждому поставлены миски со взбитым кислым молоком.

— Ешь, Саргис! Наедайся! Не стесняйся!

Поели, наелись и, одевшись, вышли во двор. В это время вернулись с базара. На спине батрака, смотрителя лошадей, целый завязанный мешок. Арутюн с женой поговорили о чем—то. После этого Арутюн сказал Саргису:

— Саргис! Вот хозяйка к Пасхе купила фруктов и сладости. Отвезешь — и для брата, и для сестры хватят, это наш подарок.

Саргис онемел и от растерянности не знал, что сказать. Поблуждал, с трудом догадался, что надо поблагодарить.

Вдруг показался фэзтон с кожаным верхом, запряженный парой белых лошадей, и остановился у их ворот. Арутюн попрощался с Саргисом и поехал по своим делам.

Саргис с проданными сбруями запряг лошадей в ту, указанную, тачку, а смотритель лошадей принес подстилку и положил на пол тачанки. Саргис был готов выехать, но еще принесли и положили впереди мешок с фруктами. За тачанкой привязали подводу Саргиса, однако батрак ворота не открывал.

— Браток, подожди. Я тебя до Сурб Хача буду сопровождать, так приказал хозяин, — сказал батрак. Вывел из сарая лошадь с седлом, привязал ее сбоку лошадей. Сам сел рядом с Саргисом — и поехали.

Саргис хотел заехать к знакомому, но передумал и направил лошадей прямо на дорогу Сурб Хача. Почти легко шли лошади. Местами дорога была грязная, но в основном сухая. После того как выехали из города, Саргис остановил лошадей, скрутил и привязал их хвосты, сел и отпустил вожжи. Лошади легко шли.

Сами же сидят рядом, но не знают, как зовут друг друга. Смотритель лошадей лет на пятнадцать был старше Саргиса.

— Браток, как твое имя? — спрашивает он.

— Саргис. А как ваше имя?

— Мое имя Карапет, но все говорят — Карпо. В этом городе армянская имена называют порусски. На Акопа говорят Яша, Асватура зовут Федя, Мнацакана — Миша. Если так будет продолжаться, наверно, армянский язык забудем. Кругом русские деревни, и в городе многие держат русских батраков. В разговорах молодежи то и дело появляются русские слова. Что делаешь? Наступают новые времена и другие порядки и отношения в народе.

Беседуя, незаметно доехали до балки Сурб Хача. Лошади легко спустились вниз. Проехали балку, поднялись на горку Сурб Хача и доехали до перекрестка. Саргис остановил лошадей. «Пусть немного отдышатся», — сказал. Карапет спустился с подвода, отвязал свою лошадь, подтянул подругу седла, попрощался с Саргисом, сел на лошадь и поехал в город.

Саргис же поехал своей дорогой в Чалтырь. Дорога была пуста. В это время она всегда бывала пустая. Те, которые ехали на базар, давно проехали, а назад возвращаться еще было рано.

Когда проезжали балку Сармакешова, Саргиса обуял страх. Он раз два два покнутвал лошадей, те сорвались с места и почти галопом понесли так, что проехали половину склона и оказались недалеко от кургана. Саргис притянул вожжи, и лошади замедлили свой шаг. Так доехали до главной дороги до города русских хуторов. Теперь она называется трасса «Москва — Каракум». Проехал ее и Саргис, не мучая лошадей, стал тихо ехать.

День был ясный, солнечный, теплый. Земля стала зеленеть. Через неделю начнется весенний сев. Какой чистый воздух, запах зеленой травы, пение полевых птиц — и все это для человека, живущего в степи, является богатством, радостью, здоровьем. Как можно с этого ковра ехать и жить в городском капкане.

Саргис — человек, видевший много трудностей. Ведь жизнь крестьянина всегда была трудной и тяжелой, едва сводила концы с концами: имелась еда — не хватало одежды, а если она была, то не было топлива.

Крестьянин всегда жил хуже горожанина. Крестьянин, измученный работой на земле,

прожив в городе месяца два, научится и станет горожанином, но горожанин не поедет из города в деревню трудиться и мучиться на земле. Такие случаи бывают очень редко.

Во время обеда Саргис доехал до окраины Чалтыря. Лошади были сильно измученные и усталые, а у жеребца Халиба с живота пот капал. Ведь он был ненаезженным.

Саргис остановился возле своего дома, открыл ворота, заехал во двор на тачанке, запряженной парой лошадей, а сзади вез привязанную свою арбу. Хазарос смотрел, но ничего не понимал. Два брата распрягли лошадей, привязали к арбе и положили им сено. Хазарос начал расспрашивать брата. Но Саргис не рассказал подробно обо всем, и главное — о том, что Халиб хочет его сделать своим батраком.

Саргис взял мешок с фруктами, передал его жене брата и сказал:

— Эти фрукты, сколько их есть в мешке, раздели на двоих. Половину сестре отдам, для них они куплены.

Жена брата, янга, не стерпела, носом pokrутила, но ничего не сказала, а брат Хазарос вымолвил:

— Хорошо, брат, как скажешь, так и сделаю.

Саргис вышел во двор, собрал седло и всю упряжь, повесил в сарае, напоил лошадей, затем освежил перед ними сено и вошел в дом. Стол с едой был готов, ждали Саргиса.

— Любимое блюдо Саргиса приготовила, садитесь, — сказала янга и сама перешла к детям, для них накрыла отдельно стол. Два брата пообедали вместе.

— Аха, откуда взяла фасоль?

— Джиджа принесла, а жена приготовила суп с клецками, с фасолью.

— Любимая еда. Долго не захочешь есть.

Аха, пойдем к сестре и отнесем фрукты к Пасхе, немного посидим и поговорим.

— С сестрой и между двумя братьями есть о чем поговорить, — сказал Саргис.

Вечером, когда свечи еще не были зажжены, два брата взяли фрукты для сестры и пошли к ней домой.

Матос (муж сестры, его имя Мартирос, а говорили Матос) был во дворе. Поздоровались и один за другим вошли в дом.

Имя сестры было Шушаник, а звали Шуши. В селе Чалтырь мужские и женские имена произносили сокращенно. Допустим, звали Сурбуин, говорили — Сурбу, Айкануш — Айку, Ашхен — Аши, Галуца — Галу, Арташес — Атиа, Асватур — Аця, Мартирос — Мадос, Маде...

Матос первым вошел в дом и обратился к жене:

— Шуши, сегодня вечером будут гости. Что наварили, ставь на стол.

Два брата один за другим вошли в дом. Поцеловались с сестрой. Она, повторяя «Это какое хорошее дело», пошла и принесла большую лампу, зажгла ее. От радости она спину то одного брата поглаживала, то другого. Бедная от радости не знала что делать.

— Сестра, Саргис ездил в город, к Пасхе привез фрукты, и для нас тоже. Вот это ваша доля, — сказала Хазарос и отдал сестре.

— Столько разве можно! Саргис, для чего это? Немножко надо знать цену деньгам, беречь их надо. Матос! Верни деньги! Сколько это стоит? — сказала Шуши.

— Сестра, мне это дали бесплатно. Сказали: отвезешь брату и сестре от нас подарок к Пасхе — фрукты и сладости, — ответил Саргис.

— Если это так, то пусть удачно идут их дела.

Пусть Бог даст им здоровье, благополучие, спасет от болезней, несчастий. И дожить им до глубокой старости и почестей. Саргис, кто эти люди, даже нас вспомнили?

— Шуши, давай накрывай стол. Сегодня с утра нос чесался, было видно, что сегодня выпью.

Сказав это, пошел и принес кусок сала, выше половины четверти водки (четверть — большая бутылка емкостью два с половиной литра; в таких бутылках продавали водку). Затем он поднялся на чердак, снял два висевших абухта (абухт — вяленое с приправами мясо овечьих передних и задних лапчаток). Говорили,

что богатые люди имели по 20—25 пар абухта). Потом намочил их горячей водой, завернул в мокрую тряпку, чтобы стали мягкими.

Шушаник поставила на стол кашу из пшеничной крупы, мужчины нарезали на мелкие куски абухт и стали есть. Мадос и Хазарос люббили выпить, но Саргис выпил не больше одной рюмки.

Наевшись, он сел рядом с сестрой и начал рассказывать ей, о чем говорил Халиб, а брат с зятем слушали рассказ Саргиса.

— Я не обещал ему, что приеду. Арутюн мне дал 15 дней и сказал: поезжай и поговори со своими родственниками, а потом приедешь, поставив меня в известность, — сказал. — Теперь сами скажите, что мне делать?

— Саргис, вот я что тебе скажу? Тебе 25 лет, как ты думаешь, так и решишь, — сказал Мадос.

— Не знаю, брат, не хочу быть причиной. Жизнь горожан, конечно, легче сельской. Как знаешь, так и делай, — сказала сестра.

— А ты, брат, что скажешь?

— Я что тебе скажу, брат. Если не сегодня, то завтра мы друг от друга отделимся, такой порядок жизни. Каждый человек должен создавать семью, народить детей, на этом мир держится. Во—вторых, брат, если завтра тебе придется уходить, то ты не пойдешь же, покачивая руками. В нашем хозяйстве и ты долю имеешь. Как сделать, чтобы друг друга не обидеть и разделиться с улыбочкой на лицах?

— Уй, аха, из домашнего хозяйства доля мне не нужна. Мне дай только черную кобылу и легкое седло. Я сам еще не знаю, что будет или не будет. Возможно, сяду на лошадь и вернусь обратно, как Бог распорядится. По рассказам этот человек, который меня хочет, глава города. Все дела города Нахичевана выполняются по его распоряжению и руководству. Его фамилия Халибян, а имя — Арутюн. Богатый человек в городе.

— Саргис, когда поедешь на работу к этому человеку? — спросил Мадос.

— Не знаю, езна. Сегодня или завтра начнется весенний сев. Брату помогу, посев закончим, возможно, потом поеду. Дал слово через две недели вернуться, — сказал Саргис.

— Саргис, братец, не хочу вмешиваться в ваш разговор, — сказала сестра. — Ты узнал, какого возраста этот человек и большая ли у него семья?

— Не знаю, джиджа, сам мне сказал: «сына не имею». Имеет дочку, не знаю, сколько их. Кроме жены еще есть одна женщина, кажется, батрачка, готовит им еду. Есть трех батраков имеет, а если я поеду, буду четвертым. По его словам, я буду старшим над батраками. Хочет, чтобы их работа аккуратно и чисто была сделана, так как сам не имеет времени следить за этим.

Мартирос налил еще по рюмке и сказал:

— Саргис, а это выпьем за успех твоей будущей работы. Пусть Бог тебе помогает и то, что задумал, исполнится. Городская жизнь намного легче сельской, тем более тебе с таким ремеслом. Хазар, а ты не вешай нос. Если он хочет эту лошадку, отдай ее, и пусть ищет свое счастье. Мы же с тобой один раз в два года нашу землю перепашем и как—нибудь прокормим семью.

Время уже было позднее, гости собрались и пошли домой. Шушаник убрала со стола, а Мадос, проводив гостей, вошел в дом.

— Подумай, муж, что—то тебе скажу, а ты не откажи мне. Когда Саргис соберется ехать в город, ты с ним поезжай, узнай, где их дом, кто они такие. Волнуешь, он послушный парень, заставят его за всех работать.

— Ты, Шуши, если он за всех и будет работать, все же будет легче крестьянской работы. Сказал и пошел, лег на свое место.

С утра каждый знал свое дело: мужчины шли в сарай к животным, женщины — на кухню к печи. В те времена всю вареную пищу готовили в печи (пуре), а многие имели плиту с обогревательной стеной и на ней варили еду. Достаточно было одной большой корзины, набитой соломой, чтобы натопить хату и сварить дневную пищу. В холодные дни вечером специально топили печи, чтобы в доме было тепло. Дома же тогда были саманные, из одной или двух комнат. Как известно, в домах полы были земляные. Богатые по-

крывали их коврами, а бедные — циновками, на них стелили постель и спали. Конечно, тогда никаких кроватей и диванов не было.

С наступлением теплых и солнечных дней земля подсохла, а на косогорах, на окраинах села, кое—где появились овцы. Жители потихоньку начали переселяться на свои поля. Однако было еще рановато для появления травы, чтобы паслись овцы.

В те далекие времена все полевые работы: вспашка, боронование, уборка урожая — проводились лошадьми и волами. Крестьяне же в предвесенние дни хорошо кормили животных. Давали им крупы, сечку и отруби, чтобы они выдержали тяжелую работу.

Хазар с братом смазали оси бричек. Бороны положили туда же, с плуга сняли колеса. Пошел к ним Мадос, вместе подняли его и уложили на телегу. Втроем были готовы к весенней работе. Решили завтра с утра выехать в степь, а для волов надо повезти воз сена. Чем раньше посеешь, тем лучше, говорили, и урожай бывал обильным.

Женщины стали готовить продукты питания: одну сумку поджаренной муки для малеза, кувшин сыра с рассолом, кувшин с маслом, два ведра муки, а также посуду, скалку, стол, пять мешков кизка, один — хлеба свежей выпечки и один ковер или циновку.

На следующее утро две брички с волами, одна за другой, третья — большая телега, запряженная парой лошадей, четвертая — легкая телега, аккуратно нагруженная сеном и запряженная одной лошадей, двинулись в путь — Хазарос с братом и зятем Мадос. Впереди ехал Саргис с парой лошадей, привязанной сзади телегой с одной лошадей, за ним брички с волами, а Хазар и Мадос шли рядом. Так дошли до западной окраины Чалтыря, и тогда рассвело.

В основном земли крестьян Чалтыря находились на этой стороне до тридцати и более километров. Участки Хазароса и Мадоса тоже были не близки, находились в долине Варушкина. На полях туда надо было ехать целый день.

По хорошей весенней дороге, покрытой с обеих сторон зеленой травой, с тремя полевыми птичек, на подводах, с отдохнувшими за зиму лошадьми и волами, спокойно и легко ехали хлеборобы сеять свой весенний сев.

Вечером доехали до своих участков земли. После еды решили утром с двумя фартуками начинать сеять. Саргис будет подносить им зерно. На их счастье всю неделю была хорошая погода. Закончили сев, а сверху с парой лошадей бороновали. Крестьяне закончили основную весеннюю работу. Осталось под бахчу вспахать землю, но еще было рано, земля была твердая, не созрела для вспашки.

Утром на другой день Хазарос говорит Саргису:

— Иди, брат, делай свои дела, остаток работы мы с Мадосом выполним. Ты же как надумал, так и сделай. Уму—разуму больше я тебя учить не могу. Одно я знаю: ты своим ремеслом, куда бы ты ни поехал, легко проживешь. Только нас не забывай.

Саргис запрягает лошадей в линейку приезжает прямо к сестре, рассказывает о сделанной работе, потом спрашивает у сестры:

— Джиджа, поехать в город или нет?

Сестра отвечает:

— Поезжай, брат, поезжай. Привыкай к городской жизни, живи. Если не привыкнешь, вернешься назад. Чалтырь не пропадет.

Андриан МАЛХАСЯН  
(конец главы I)

Правление РРОО «Нахичеванская—на—Дону армянская община» выражает глубокое соболезнование родным, близким и семье Чубаровых в связи с кончиной Валерия Яковлевича Чубарова.  
Валерий Яковлевич являлся членом Союза художников России и активным членом армянской общины.  
Вечная память...